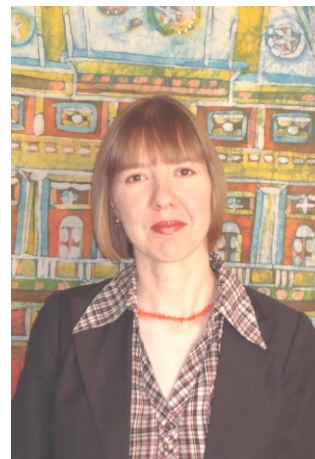

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-3
УДК 130.2

Клюкина Людмила Александровна
Доктор философских наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет,
(Петрозаводск, Россия)
klyukina-la77@yandex.ru

Klyukina, Lyudmila
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
klyukina-la77@yandex.ru

Дискурс о Единой России в постимперском контексте *

Discourse about United Russia in the Post-imperial Context

Аннотация. В данной статье проведено исследование содержания дискурса о Единой России 2000–2008 гг. в контексте семиотического подхода Ю.М. Лотмана. Автор представил идею Единой России в качестве «продукта» эволюции имперского российского сознания и обосновал тезис о том, что дискурс о Единой России может рассматриваться в качестве варианта новой культурной идентичности России, так как нацелен на проведение модернизации общества и формирование восприятия государственной власти в качестве высшей культурной ценности, персонифицированной в институтах власти.

Ключевые слова: бинарная культура, дискурс, Единая Россия, империя, концепция «Москва – Третий Рим», СССР.

Abstract. This article investigates the substance of the discourse about United Russia in years from 2000 to 2008 in the context of the semiotic approach of Yu.M. Lotman. The author introduces

* Для цитирования: *Клюкина Л.А.* Дискурс о Единой России в постимперском контексте // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 911–937. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-3

For citation: *Klyukina, L.* “Discourse about United Russia in the Post-imperial Context.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 911–937, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-3>

© Клюкина Л.А., 2019

© Klyukina L., 2019

the idea of United Russia as the “product” of the Russian imperial state’s evolution. The author argues that the discourse about United Russia can be regarded as one of the options for the new cultural identity of Russia. Author’s reasoning is that the purpose of this discourse is to modernize society and offer a new perception of the state authority as the higher cultural value embodied in government institutions.

Key words: binary culture, discourse, United Russia, empire, “Moscow is the Third Rome” concept, the USSR

Введение

Хотя Российская империя перестала существовать фактически в начале XX в., некоторые отечественные исследователи видят связь современной российской цивилизации с имперской традицией в философско-культурологическом аспекте. Отечественный философ А.С. Ахиезер характеризовал Россию в конце XX в. как «большое общество», представляющее собой объединение локальных обществ в форме государства на основе абстрактной системы ценностей, охраняемой законом. «Большое общество» формируется с целью дать адекватный ответ на очередной цивилизационный «вызов» (А. Тойнби). Ахиезер, опираясь на свою концепцию социокультурной эволюции, движущим фактором которой признавал развитие нравственного идеала, пришел к выводу, что главной задачей российского общества на рубеже XX–XXI вв. является преодоление раскола между соборным и авторитарным идеалами. Так как с этой задачей российская цивилизация сталкивалась уже не раз, Ахиезер сомневался в быстрой демократизации российского общества и предлагал критически осмыслить весь исторический опыт России, чтобы не повторять роковых ошибок¹. Российский культуролог В.К. Кантор утверждает, что империя является исключительно европейской идеей и противопоставляет ее идее восточной деспотии. Кантор предлагает следующее понимание империи:

империя – это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов².

С точки зрения Кантора, в задачу империи входит организация социального хаоса, контроль за первобытными инстинктами в правовом поле. Согласно такой логике, к империям можно отнести и Священную Римскую Империю, и ЕС. В любом историческом государстве можно наблюдать элементы деспотического правления и имперского. Критерием усиления имперского элемента, по Кан-

¹ Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.

² Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 19.

тору, является подчинение власти закону. Кантор считает, что нормальное развитие России вне империи невозможно, однако это должно быть наднациональное государство, объединяющее народы на основе идеи терпимости к Другому, выраженной в идеальной форме в христианстве. Ахиезер и Кантор рассматривали события начала XXI в. в России как переходный период, как новый виток развития российской цивилизации. Зарубежные исследователи Джереми Эдельман³, Ричард Пайпс⁴, Джереми Смит⁵, Рональд Суни⁶, Дэвид Хоффманн⁷, также отмечали наличие признаков имперской формы социально-политического бытия на различных этапах истории российского общества и государства. Позиция зарубежных авторов в данной статье рассматриваться не будет, так как эта задача для отдельного исследования.

В данной работе был сделан акцент на таком признаке империи, как стремление власти установить максимальную (предельно неограниченную) форму господства над обществом в рамках дискурса, основанного на принятых в конкретный период в международной среде представлениях о государственной легитимности. В контексте семиотического подхода Ю.М. Лотмана обосновывается возможность выявления/конструирования кода культуры, посредством которого можно исследовать дискурс культуры. Под кодом культуры он понимал структурные элементы локальных знаковых систем, а также принципы их применения в этих системах. Лотман считал, что выявление кода культуры создает для исследователя возможность конструирования семиотической ситуации изучаемой культуры, что позволяет ему применять определенную интерпретационную схему, наделяя события теми или иными значениями или смыслами. Культура является историческим феноменом, поэтому можно серьезно говорить о существовании исторической памяти культуры, а также о развитии культуры. Социальную и культурную историю Лотман интерпретировал в контексте идей синергетического подхода И. Пригожина, а также теории катастроф Ж.Л. Кювье. Мыслитель считал, что культура осознает себя в ситуации культурного взрыва⁸. Под культурным взрывом он понимал ситуацию, возникшую в результате взаимодействия между семиотической и внесемиотической реальностью, или ситуацию взаимодействия между культурными традициями, имеющими мало общего. В момент культурного взрыва «включаются те механизмы исто-

³ *Adelman J.* The Russian Revolution and Global Empires // *Ab Imperio*. – 2017. – № 2. – С. 45–52.

⁴ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. – New York: Charles Scribner's Sons, 1974.

⁵ *Smith J.* The Soviet State and the Individual // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 279–284.

⁶ *Suny R.G.* The revenge of the past: nationalism, revolution and the collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford university press, 1993.

⁷ *Hoffmann D.L.* Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 273–278.

⁸ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – Москва: Гнозис; Прогресс, 1992. – С. 30.

рии, которые должны ей самой объяснить, что произошло»⁹. В этой ситуации исследователь может занять место внешнего наблюдателя. То, что в прошлом произошло как случайность, в сознании наблюдателя конституируется как закономерность. Лотман разделял идею Пригожина о нелинейной эволюции самоорганизующейся системы, понимая под точками бифуркации «культурные взрывы». Становление относительно устойчивых состояний культуры Лотман связывал с формированием языка и кода культуры, на основе которых складывается дискурс культуры.

Лотман предлагает два сценария конституирования культурного взрыва, теоретически оформленные в виде бинарной и тернарной модели культуры. Для бинарной модели культуры характерна установка на уничтожение базовых ценностей «старой» культуры и замену на подлинные ценности «новой» культуры. Бинарная модель ориентирована на реализацию утопического идеала в жизни радикальными методами¹⁰. В тернарной культуре базовые ценности «старой» культуры перемещаются из центра на периферию, оставаясь признанными, но менее значимыми. Абстрактные идеалы адаптируются к реальности. Следствием этого является признание культурного плюрализма, утверждаемого в рамках социального и политического компромисса¹¹. Лотман рассматривал русскую культуру как бинарную, катастрофически переживающую культурные взрывы. Культурный взрыв конца XX в. Лотман считал историческим шансом для России перейти к построению тернарной модели культуры, упустить который значило бы столкнуться с новой «исторической катастрофой»¹².

Следуя логике Лотмана, а также учитывая тезис историков о том, что историей принято называть события пятилетней давности, условно можно занять позицию внешнего наблюдателя по отношению к отечественной культуре конца XX – начала XXI вв. и рассматривать ее как культуру, переживающую взрыв, являющийся «следствием» или отголоском культурных взрывов предшествующих эпох, т.е. «следствием» революции 1917 года и реформ Петра I. Таким образом, можно рассматривать российскую культуру конца XX – начала XXI вв. в постимперском контексте. В ракурсе ретроспективного видения в истории русской, и шире отечественной, культуры можно выделить следующие ситуации культурного взрыва, в контексте которых были сформированы тексты, содержащие знание о коде культуры того или иного периода: формирование концепции «Третьего Рима» на рубеже XV – XVI вв., идея Российской империи XVIII в., идея Советского государства начала XX в., идея Единой России начала XXI в. Целью данной статьи является исследование в контексте семио-

⁹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 30.

¹⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 258.

¹¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 257.

¹² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – С. 270–271.

тического подхода Ю.М. Лотмана дискурса о Единой России 2000–2008 гг. в качестве «продукта» эволюции российского имперского сознания, а также обоснование возможности рассмотрения идеи Единой России в качестве варианта новой культурной идентичности России.

Основная часть

На рубеже XV – XVI вв. в русской культуре оформляется концепция «Третий Рим». Сама концепция оформляется как в ходе диалога с католическим Западом по вопросу об эсхатологических пророчествах тех лет, так и в ходе диалога Русской православной церкви с княжеской властью. Основные идеи концепции «Третьего Рима» были изложены в 1523 г. в «Послании на звездочетцев» инока Псковского Елеазарова монастыря старца Филофея, адресованном дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину, эмиссару московского великого князя в Пскове¹³. Согласно Филофею, истинное христианское царство должно представлять собой единство материальной и духовной субстанции. После падения Византии Московское государство остается единственным крупным политически независимым православным государством. Московское царство Филофей отождествляет с «Третьим и Последним Римом», где христианская Церковь обретет вечный покой. Существование «Третьего Рима» зависит от божественного терпения, которое, в свою очередь, зависит от нравственного воспитания и духовного преображения христиан, и прежде всего, «царствующего»¹⁴. Обращаясь к подробному анализу посланий Филофея, историк Н.В. Сеницына делает вывод, что Филофей создал православный вариант теории *translatio imperii*, согласно которой «Третий Рим» переносится на северо-восток¹⁵. Два исторических процесса, оформление автокефалии Русской православной церкви и становление российского самодержавия, шли параллельно и взаимно предполагали друг друга. Инициатива, связанная с распространением христианства на Руси, традиционно исходила от власти. В этом многие церковные деятели видели особый Божий промысел. На этот факт впервые указал В.В. Зеньковский:

Теократическая тема христианства развивается в России не в смысле примата духовной власти над светской, как это случилось на Западе, а в сторону усвоения государ-

¹³ Корневский А. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // *Ab Imperio*. – 2001. – № 1–2. – С. 121.

¹⁴ Приложение №1. Около 1523–1524 г. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» // Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – Москва: Индрик, 1998. – С. 336–346.

¹⁵ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). – С. 327.

ственной власти священной миссии. Это не было движение в сторону цезарепапизма – Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения. Точкой приложения Промысла Божия в истории является государственная власть – в этом вся «тайна» власти, ее связь с мистической сферой. Но потому церковное сознание, развивая теократическую идею христианства, и стремится найти пути к освящению власти. Власть должна принять в себя церковные задачи¹⁶.

Таким образом, государственное строительство было оправдано реализацией нового в истории культурно-нравственного идеала в ходе диалога власти и церкви, власти и общества. Проведя семиотический анализ концепции «Москва – Третий Рим», Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский сделали вывод, что эта идея по самой своей сути была амбивалентной. Данная амбивалентность, с их точки зрения, предполагала две равновероятные перспективы культурной ориентации, и, следовательно, два возможных варианта исторического развития Российского государства.

С одной стороны, она (идея «Москва – Третий Рим» – Л.А. Клюкина) подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от «нечистых» земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т. е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность – в Византии видели мировую империю, наследницу римской государственной мощи¹⁷.

Так как для русской религиозной культуры XV–XVI вв. характерно было культурное преобладание символизма сознания над психизмом языка, то «формирование культа и становление власти в отечественной культуре начинают обозначаться одной языковой структурой»¹⁸. Гармоничное сочетание «священства» и «царства» в данной идее обеспечивалось тем обстоятельством, что «Рим» использовался не только как языковой объект, но как символ, имманентный самому сознанию, обозначающий сам себя. В культуре XV–XVI вв. «Тре-

¹⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. – Т. 1. – С. 46.

¹⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / ответственный редактор В.А. Карпушин. – Москва: Наука, 1982. – С. 238.

¹⁸ Клюкина Л.А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №1 (14). – С. 67.

тий Рим” являлся языковой структурой, напрямую отсылающей к такой универсалии культуры, как христианская империя»¹⁹.

Трансформация идеи «Москва – Третий Рим» в семиосфере русской культуры XVIII в. стала следствием культурного диалога с Западом. Инициатива диалога исходила от власти, проводившей культурную переориентацию с целью онтологически обосновать конструирование нового социального образования, Российской империи. В 1721 г. Петр I принимает ряд новых титулов: «Император», «Великий», «Отец Отечества». Как показывает Б.А. Успенский, титул «Отец Отечества» имел двойственное значение. В западной традиции титул «Отец Отечества» (*pater patriae*) был почетным титулом римских императоров. В контексте допетровской культуры титул «Отец Отечества» мог быть применен только к патриарху²⁰. Так как после принятия этого титула было упразднено патриаршество, и монарх был объявлен «Крайним Судией» Духовной коллегии, то указанный титул воспринимался в том смысле, что «Петр возглавил церковь и объявил себя патриархом»²¹. Проведя семиотический анализ произведений Феофана Прокоповича, а также текстов петербургской архитектуры и литературы XVIII – XIX вв., Лотман и Успенский делают вывод о том, что в этих текстах образ апостола Петра переносится на образ императора Петра²², а Петербург воспринимается как «святой город Петра», святость которого заключается в его государственности²³. Трансформация концепции «Москва – Третий Рим» выразилась в том, что идеологи петровской эпохи избрали в качестве ориентира парадигму власти. Феофан Прокопович в «Правде воли монаршей» соединяет теорию божественного происхождения верховной власти с теорией естественного права и теорией общественного договора. Феофан Прокопович утверждал, что власть монарху дана Богом и он отвечает только перед Богом, распоряжаясь общественным благом²⁴. Чтобы обосновать самовластие императора, Петр I сознательно поддерживал ситуацию семиотического двуязычия в культуре. Противопоставление старых и новых политических и государственных символов может рассматриваться модернизацией старой бинарной структуры русской культуры.

¹⁹ Клюкина Л.А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.). – С. 68.

²⁰ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – Санкт-Петербург: Азбука, 2002. – С. 80.

²¹ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 80.

²² Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 244.

²³ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – С. 241.

²⁴ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра I в первой четверти XVIII века. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – С. 273–275.

Религиозная культура понималась как «неправильная», «несуществующая». Однако она была необходима в качестве альтернативы, так как через нее и посредством нее осуществлялась связь с заданным первичным символом, «Третьим Римом»²⁵.

Идея об особой миссии «царствующего» трансформируется в идею императора-просветителя, а сам процесс просвещения интерпретируется как дело, угодное Богу. «Запад» понимался как временный и недостойный носитель ценностей Просвещения. Тексты западной культуры переносились в русскую культуру без воспроизводства семиотической ситуации, т.е. сама новая знаковая система использовалась как код, как схема организации сообщения. В ситуации семиотического различия культа и культуры идея империи воспринималась социумом амбивалентно: либо как способ культурной самоидентификации, либо как «чужое», имеющее отрицательное значение.

Ситуация следующего культурного взрыва связана с событиями 1917 г., которые привели к распаду Российской Империи и возникновению нового государства, Советского Союза. Культуру Российской Империи сменила советская культура. В советской культуре формируется новая концепция власти. Народ признавался творцом истории и субъектом власти. Однако, чтобы удержать завоевания социалистической революции в условиях войны и экономической и культурной отсталости страны, большевики установили диктатуру пролетариата, которая позже трансформировалась в диктатуру КПСС²⁶. Партийные идеологи утверждали, что только они знают, как реализовать на практике идеи марксизма-ленинизма, чтобы создать «новый социум общей судьбы». Творение нового типа социума предполагало новый нравственно-культурный идеал – всесторонне развитую и эмансипированную личность²⁷. Опираясь на семиотический подход Лотмана и Успенского, Л.Г. Ионин характеризует советскую культуру как репрезентативную и моностилистическую. Репрезентативной она является потому, что представляла собой схему интерпретации всех событий и фактов человеческой истории и была одновременно инструментом легитимизации существующего социального порядка²⁸. Моностилистической эту культуру можно назвать, так как все ее элементы обладали внутренней связностью и активно разделялись, либо пассивно принимались всеми членами общества²⁹. Новому пониманию власти соответствовал новый вариант понимания трансцен-

²⁵ Клюкина Л.А. Идея империи как способ формирования культурной идентичности России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 87.

²⁶ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. – Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 1998. – С. 187.

²⁷ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. – С. 171.

²⁸ Ионин Л.Г. Социология культуры. – Москва: Логос, 1998. – С. 182.

²⁹ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 181–182.

дентности. Высший смысл отождествлялся с эйдетическим пространством – Идеей как таковой. Русский философ Н.А. Бердяев³⁰ первым охарактеризовал советское государство как типично идеократическое. Достижение социализма было объявлено делом будущего, поэтому все ресурсы общества были направлены на реализацию идеи советского государства как подготовки к этому достижению. По Ионину идея советского государства основывалась на следующих принципах: принципе тотальности, принципе иерархии, принципе телеологии. Согласно принципу тотальности, все события следовало понимать однозначно, в идеологических терминах. На принципе иерархии было основано право говорить от лица Истины, принадлежавшее вождю партии Сталину. Принцип телеологии ориентировал на достижение социалистического идеала в будущем³¹. Имперская культура России и современная культура буржуазных государств объявлялись «неправильными», так как оправдывали общества социальной несправедливости. Преимущества социализма, по сравнению с другими типами обществ, признавались объективными, основанными на ряде следующих убеждений. При социализме достигается гармоничное сочетание частных и общих интересов, постепенно можно улучшить условия жизни всех членов общества. Партийные лидеры обладают непогрешимостью, так как руководствуются правильной идеологией, а если даже они совершают ошибки, то последние являются объективным моментом на пути к прогрессу³². В советской культуре складывается своеобразная «метафизика власти», основой которой служит «сакрализация» деятельности партийной номенклатуры, прежде всего деятельности партийного вождя, что затем привело к обожествлению личности самого Сталина³³. Таким образом, превращение марксистско-ленинской идеологии в культурную привело к превращению КПСС к концу ее существования из политического института в культурный³⁴. КПСС выполняла роль культурной доминанты, вокруг которой организовывался остальной культурный ансамбль. Об общем генетическом коде культуры российской империи и советской культуры можно говорить условно. Идея Российской империи была онтологически обоснована, так как просвещенное государство понималось реализацией Царства Божьего на земле. Идея советского государства, заявленная как парадигма власти народа, по сути выражала сакрализацию власти КПСС.

Новая российская культура стала складываться в 2000–2008 гг., что было связано с деятельностью президента РФ В.В. Путина. Соответственно также

³⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990.

³¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 168–169.

³² Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 186–190.

³³ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 2. – Москва: АПН, 1989. – С. 135–136.

³⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. – С. 211.

формируется новая концепция власти, которая просматривается в «Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию» тех лет, понимаемых руководством страны как диалог власти с народом. Согласно конституции 1993 г. сущность власти в России состоит в демократии. По Путину, «источником благополучия и процветания России является народ»³⁵. Путин отмечает, что власть и народ объединяет общая интенция – стремление к новому, к творчеству. Однако народ, по его мнению, обладая потенцицией, не обладает знанием, как реализовать свой потенциал. Правом на творчество и знанием истины обладает только власть.

Заметьте, в какие времена мы ни жили: в периоды революционных потрясений или в годы застоя – нам почти всегда хочется перемен. Правда, при этом у каждого из нас свои представления о том, какими должны быть эти перемены, свои приоритеты, симпатии и антипатии, свои взгляды на прошлое, настоящее и на будущее. Это понятно, это естественно: мы разные. Однако есть нечто такое, что объединяет всех без исключения: все хотят, чтобы это были перемены к лучшему. Но не все знают, как этого добиться. А мы с вами, те, кто собрался сегодня здесь, в Кремле, не только обязаны это знать – мы обязаны сделать все для того, чтобы выработать план практических действий. Мы должны сделать все для того, чтобы убедить в эффективности этого плана подавляющее большинство граждан страны и сделать их реальными соучастниками общего созидательного процесса³⁶.

Таким образом, власть признается условием существования и понимания социального бытия. Место России в мире Путину видится среди ведущих мировых держав, вершащих судьбы мира:

Военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы. А именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия. Как «гасить» современные локальные конфликты. Как преодолевать другие, новые вызовы. И, наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности – будут нести ведущие мировые державы. Державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния. Вот почему вопрос модернизации российской армии является сейчас крайне важным. И он реально волнует российское общество³⁷.

³⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Официальный сайт Компании КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_60109/ (дата обращения 30.08.2018).

³⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

³⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

Признавая Россию мировой державой, Путин считает, что нет необходимости формулировать национальную идею России. Это занятие он сравнивает с поиском смысла жизни, которым можно заниматься всегда и бесконечно, поэтому не стоит тратить на это время³⁸. Президент обосновывает объединение народов в рамках великой державы исторической необходимостью:

В то же время культурная и духовная самобытность еще никому не мешала строить открытую миру страну. Россия сама внесла огромный вклад в становление общеевропейской и мировой культуры. Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий³⁹.

В своих посланиях Путин сформулировал необходимость решения следующих задач: укрепление статуса России в качестве великой мировой державы, построение гражданского общества и гражданских институтов, развитие рыночной экономики, улучшение материального и социального благополучия граждан, развитие России как уникальной цивилизации, а также развитие исторических традиций, не конкретизировав каких именно. В 2001 г., с целью поддержания общего политического курса президента, была создана партия «Единая Россия». Эту партию нельзя идентифицировать по классово-слоевому признаку, хотя членами этой партии были состоятельные люди. Всех этих людей объединяла актуальная политическая тема – «План Путина». Поэтому «Единая Россия» получила название «партия власти». В 2007 г. Путин возглавил список кандидатов от партии во время избирательной кампании в Государственную Думу V созыва. Политолог Сергей Марков охарактеризовал эту ситуацию как процесс институционализации личности президента РФ:

Приняв решение возглавить федеральный список партии «Единая Россия», Путин остается в качестве морально политического лидера нации и его положение становится более институционализированным – оно без сомнения теперь будет более стабильным, более четким и ясным, потому что мы много говорили, что надо переходить от стабильности, основанной на личности, к стабильности, основанной на институтах⁴⁰.

³⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006.

³⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». – URL: http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_67870/ (дата обращения 30.08.2018).

⁴⁰ Марков: После президентства Путин останется лидером нации // Деловая газета «Взгляд». – URL: <https://vz.ru/news/2007/10/1/113798.html> (дата обращения 29.08.2018).

Заместитель руководителя Администрации Президента, помощник Президента РФ В.Ю. Сурков утверждал, что концепцию российской демократии нельзя понимать без учета типичных черт русской политической культуры и русского национального сознания. В русском культурном сознании «синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным»⁴¹. Сурков предложил использовать идею целостности русской культуры в качестве аксиомы для определения параметров реальной политики. Исходя из данной культурной установки, он выделил три особенности российской политической практики:

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Опять же, все эти вещи имеются и в других политических культурах, но в нашей несколько сверх средней меры⁴².

Централизация властных функций в РФ проявилась в том, что большинство членов Государственной Думы и Совета Федерации РФ являлись членами партии «Единая Россия», такая же ситуация сложилась и в местных органах власти. Образ России как государства, по мнению Суркова, удачно выразился в образе харизматичной личности президента Путина, а программа партии «Единая Россия» воспринимается как «план Путина»⁴³. Под идеализацией целей политической борьбы Сурков понимал ориентацию на утопию, что с его точки зрения, создает важный стимул для общественного развития. Сурков отрицал мессианские концепции прошлого: Третий Рим и Третий Интернационал. Идею мессианства он предложил заменить идеей миссии российской нации, требующей уточнения, но безусловно связанной с утверждением роли России среди других мировых государств⁴⁴. Он пояснял, что речь идет о реализации желаний в будущем и предложил смотреть на проблемы России «из будущего».

В качестве денотата идеи Единой России предполагалась Российская Федерация в будущем как сильная мировая держава во главе с харизматичным лидером, где построено гражданское общество и демократические институты в условиях рыночной экономики с применением наукоемких и инновационных технологий. Идея Единой России представляла собой амбивалентность прежде всего в культурном отношении. С одной стороны, власть официально придерживалась курса на демократическую модернизацию российского общества, что предполагало децентрализацию власти, культурный плюрализм, сосуществова-

⁴¹ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – Москва: Независимая газета, 2007. – С. 6.

⁴² Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 6.

⁴³ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 7.

⁴⁴ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. – С. 7.

ние различных дискурсивных практик. С другой стороны, опасаясь социального хаоса внутри нового общества, а также угрозы терроризма и экстремизма извне, власть планировала сохранить и закрепить за Россией статус сильной в военном отношении мировой державы. Поэтому власть официально объявила об отсутствии национальной идеи, объявила эту задачу делом будущего. Построение открытого демократического общества и укрепление статуса мировой державы рассматривались властью как равновероятные варианты. В Посланиях президента Россия объявлялась уникальной самобытной цивилизацией, сформировавшейся на основе русской православной культуры и вобравшей в себя лучшие ценности мировой культуры. В этой связи в СМИ особой значимостью стали наделяться исторические события, способствовавшие объединению народов в единое централизованное государство: крещение Руси князем Владимиром, образование Московского Государства, преодоление смуты конца XVI – начала XVII вв., реформы Петра I, победа СССР в Великой Отечественной Войне. Российская Федерация в таком контексте стала мыслиться этапом прогрессивного развития российской цивилизации, которая постоянно стремится к построению открытого общества, но вынуждена преодолевать опасность внешней угрозы ее мирному существованию. Так как заявленный идеал России предполагалось осуществить только в будущем, власть обратилась к сакрализации дискурса о Единой России. Восприятие абстрактного идеала стало возможным посредством персонификации институтов власти. Образ сильного харизматичного президента идеологами власти проецировался на образ России как сильной мировой державы и на образ партии «Единой России» как «партии власти».

Заключение

Идею Единой России можно представить в качестве «продукта» эволюции имперского российского сознания. В содержании этой идеи присутствуют те же признаки, что и в других имперских дискурсах российского сознания: установка на построение общества социальной справедливости с богатой духовной культурой в будущем; реализация этого проекта может быть осуществлена под руководством власти, так как знанием о модернизации действительности обладает только власть; построение сильного централизованного государства с целью защиты от внешней угрозы; укрепление веры в абстрактный идеал путем формирования образа сильного харизматического лидера власти; упрощение путем интерпретации заимствованных культурных идей в собственных терминах, сведения их к уже знакомому культурному материалу. Таким образом, дискурс о Единой России может рассматриваться в качестве варианта новой культурной идентичности России, так как нацелен на проведение модернизации

общества и формирование восприятия государственной власти в качестве высшей культурной ценности, персонифицированной в институтах власти.

Introduction

Although in fact the Russian Empire ceased to exist at the beginning of the 20th century, some Russian researchers see the connection of modern Russian civilization with the imperial tradition in the aspect of philosophy and culture. Russian philosopher A. Akhiezer described Russia at the end of the 20th century as a “large society,” which was an association of local societies in the form of a state based on an abstract value system protected by law. The “large society” is formed with the aim of giving an adequate response to the next civilizational “challenge” (Arnold Toynbee). Relying on his concept of sociocultural evolution (he recognized the development of the moral ideal as its driving factor) Akhiezer came to the conclusion that the main task of Russian society at the turn of the 20th and 21st centuries is to overcome the split between sobornost and authoritarian ideals. As the Russian civilization had faced this task more than once, Akhiezer doubted the rapid democratization of Russian society and offered to critically comprehend the entire historical experience of Russia so as not to repeat fatal mistakes.¹ V. Kantor, a Russian culturologist, claims that the empire is an exclusively European idea and opposes it to the idea of Eastern despotism. Kantor suggests the following understanding of empire:

The empire is a political and social structural entity intended by history to introduce multi-tribal and multi-confessional peoples into regulatory and civilizational space.²

From Kantor’s point of view, the task of the empire includes the organization of social chaos and the control over primitive instincts in the legal field. According to this logic, both the Holy Roman Empire and the EU can be described as empires. In any historical state, one can observe elements of despotic rule and imperial rule. The criterion of strengthening the imperial element, according to Kantor, is the subordination of power to the law. Kantor believes that the normal development of Russia outside the empire is impossible; however, it should be a supranational state that unites

¹ A.S. Akhiezer, “Russia as a Large Society” [in Russian], *Voprosy filosofii*, no. 1 (1993): 3–19.

² V.K. Kantor, *St Petersburg: Russian Empire against Russian chaos. To the Problem of Imperial Consciousness in Russia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2007), 19.

peoples based on the idea of tolerance to the Other, which is expressed in its ideal form in Christianity. Akhiezer and Kantor considered the events of the early 21st century in Russia as a transitional period, a new stage in the development of Russian civilization. Foreign researchers Jeremy Adelman,³ Richard Pipes,⁴ Jeremy Smith,⁵ Ronald Suny,⁶ and David Hoffmann⁷ also pointed out the signs of the imperial form of social and political being at various stages of the history of Russian society and state. The opinion of foreign authors will not be considered in this article, since this is a task for a separate study.

This study is focused on such a sign of the empire as the desire of the authorities to establish the maximum (extremely unlimited) form of domination over society within the framework of discourse based on the ideas of state legitimacy adopted in a particular period in the international environment. In the context of the semiotic approach Yu. Lotman justified the possibility of identifying/constructing a culture code through which cultural discourse can be explored. By culture code he meant the structural elements of local sign systems, as well as the principles of their application in those systems. Lotman believed that the culture code identification offers a researcher the possibility of constructing a semiotic situation of the culture under study, which allowed him to apply a certain interpretational scheme, giving events some values or meanings. Culture is a historical phenomenon, so one may seriously speak about the development of culture as well as about the existence of historical memory of culture. Lotman interpreted social and cultural history in the context of the ideas of the synergetic approach of I. Prigozhin and Georges Cuvier's theory of catastrophes. The thinker believed that culture becomes aware of itself under the conditions of cultural explosion.⁸ By cultural explosion he understood the situation that arose as a result of the interaction between semiotic and extra-semiotic reality, or the situation of interaction between cultural traditions that have very little in common. At the moment of cultural explosion "those mechanisms of history are turned on that should explain to it what happened."⁹ In this situation, a researcher may take the place of an external observer. What happened as an accident in the past is constituted as a pattern in the mind of an observer. Lotman shared the idea of Prigozhin about the non-linear evolution of self-organizing system and by the bifurcation points he meant "cultural explosions." Lotman associated the emergence of relatively stable states of culture

³ J. Adelman, "The Russian Revolution and Global Empires," *Ab Imperio*, no. 2 (2017): 45–52.

⁴ R. Pipes, *Russia under the Old Regime* (New York: Charles Scribner's Sons, 1974).

⁵ J. Smith, "The Soviet State and the Individual," *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 279–84.

⁶ R.G. Suny, *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford University Press, 1993).

⁷ D.L. Hoffmann, "Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History," *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 273–78.

⁸ Yu.M. Lotman, *Culture and Explosion* [in Russian] (Moscow: Gnozis; Progress, 1992), 30.

⁹ Lotman, *Culture and Explosion*, 30.

with the formation of the language and the culture code, on the basis of which the discourse of the culture is formed.

Lotman offers two scenarios for the constitution of a cultural explosion, outlined theoretically in the form of a binary and a ternary model of culture. The binary model of culture is characterized by the orientation at destroying the basic values of the “old” culture and replacing them with the true values of the “new” culture. The binary model is focused on the implementation of the utopian ideal in life by radical methods.¹⁰ In ternary culture, the basic values of the “old” culture are shifted from the center to the periphery, remaining recognized but less significant. Abstract ideals are adapted to reality. The consequence is the recognition of cultural pluralism affirmed within the framework of social and political compromise.¹¹ Lotman viewed Russian culture as a binary one, which catastrophically experienced cultural explosions. Lotman considered cultural explosion of the end of the 20th century as a historical chance for Russia to move to building a ternary model of culture; to miss the chance would mean to face a new “historical catastrophe.”¹²

Following Lotman’s logic and also taking into account the thesis of historians that it is customary to call the events that happened five years ago history, one may conditionally take the position of an external observer in relation to the national culture of the late 20th – early 21st centuries and consider it as a culture experiencing an explosion, which is a “consequence” or an echo of the cultural explosions of previous eras, i.e. the “consequence” of the Revolution of 1917 and the reforms of Peter the Great. Thus, one can consider the Russian culture of the late 20th – early 21st centuries in post-imperial context. From the perspective of the retrospective vision in the history of Russian and, wider, national culture, the following cultural explosion situations can be distinguished, whose context formed the texts containing knowledge of the culture code of a particular period: the formation of the concept of the “Third Rome” at the turn of the 15th – 16th centuries, the idea of the Russian Empire of the 18th century, the idea of the Soviet state of the beginning of the 20th century, and the idea of United Russia of the beginning of the 21st century. The purpose of this article is to research the discourse about United Russia in years from 2000 to 2008 in the context of the semiotic approach of Yu. Lotman as a “product” of the evolution of the Russian imperial consciousness, and to justify the possibility for considering the idea of United Russia as an option for the new cultural identity of Russia.

Main body

At the turn of the 15th – 16th centuries the concept of the Third Rome was formed in Russian culture. The concept itself was formed both during the dialogue with the

¹⁰ Lotman, *Culture and explosion*, 258.

¹¹ Lotman, *Culture and explosion*, 257.

¹² Lotman, *Culture and explosion*, 270–71.

Catholic West on the issue of the eschatological prophecies of those years and during the dialogue of the Russian Orthodox Church with the princely authority. The main ideas of the Third Rome concept were set forth in 1523 in the “Epistle to the Astrologers” by the Elder Philotheus of Pskov, a Yelizarov Monastery monk, addressed to M. Misyur-Munekhin, a government official and emissary of the Grand Prince of Moscow in Pskov.¹³ According to Philotheus, the true Christian kingdom must be a unity of material and spiritual substance. After the fall of Byzantium, the Moscow State remained the only major politically independent Orthodox state. Philotheus identified Muscovy with the “Third and the Last Rome,” where the Christian Church would find its eternal peace. The existence of the Third Rome depends on the divine patience, which, in its turn, depends on the moral education and spiritual transformation of Christians and, above all, of “the one who reigns.”¹⁴ Referring to the detailed analysis of the epistle of Philotheus, a historian N. Sinitsyna concludes that Philotheus created the Orthodox version of the *translatio imperii* theory, according to which the Third Rome moved to the northeast.¹⁵ Two historical processes, the design of the autocephaly of the Russian Orthodox Church and the formation of the Russian autocracy, went in parallel and presupposed each other. The initiative associated with the spread of Christianity in Russia was traditionally originated and encouraged by the authorities. Many of the church leaders saw special Divine Providence in that. This fact was first pointed out by V. Zen'kovskii:

The theocratic idea of Christianity developed in Russia not in the sense of the primacy of spiritual power over secular power, as it happened in the West, but in the direction of assimilating the state authority of the sacred mission. This was not a movement towards caesaropapism: the Church itself approached the state in order to bring into it the gracious power of sanctification. The point of the Divine Providence application in history is the state power – this is the whole “secret” of power and its connection with the mystical sphere. And that is why, developing the theocratic idea of Christianity, the church consciousness seeks to find ways to sanctify power. The state authority must incorporate the tasks of the church.¹⁶

¹³ A. Korenevskii, “By Whom and When was ‘Moscow is Third Rome’ Theory Invented?” [in Russian], *Ab Imperio*, no. 1–2 (2001): 121.

¹⁴ Appendix no. 1. Ca. 1523–1524. Epistle of Philotheus, the monk of Pskov Eleazarov monastery, to the government official M.G. Misyur-Munekhin with the refutation of the astrological predictions of Nikolay Bulev and outlining the concept of the Third Rome [in Russian], in N.V. Sinitsyna, *The Third Rome. The origins and evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th centuries)* (Moscow: Indrik, 1998), 336–46.

¹⁵ N.V. Sinitsyna, *The Third Rome. The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th centuries)* [in Russian], 327.

¹⁶ V.V. Zen'kovskii, *History of Russian Philosophy* [in Russian], vol. 1 (Paris: YMCA-PRESS, 1989), 46.

Thus, state-building was justified by implementing a historically new cultural and moral ideal during the dialogue between the authority and the church, the authority and the society. Having conducted semiotic analysis of the concept “Moscow is the Third Rome,” Yu. Lotman and B. Uspenskii concluded that that idea was inherently ambivalent. This ambivalence, from their point of view, suggested two equally probable perspectives of cultural orientation, and, consequently, two possible variants of historical development of the Russian state.

On the one hand, it [the idea that Moscow is the Third Rome] implied the connection of the Moscow state with the highest spiritual and religious values. Making piety the main feature and foundation of Moscow’s state power, this idea emphasized the theocratic aspect of orientation towards Byzantium. In this version, the idea implied isolation from the “unclean” lands. On the other hand, Constantinople was perceived as the second Rome, i.e., imperial essence was emphasized in the political symbolism associated with this name – Byzantium was viewed as the world empire, the heir to the might of the Roman state.¹⁷

As the cultural predominance of the symbolism of consciousness over the psychism of the language was characteristic for the Russian religious culture of the 15th – 16th centuries, “the formation of a cult and the establishment of authority in the national culture began to be designated by the same linguistic structure.”¹⁸ The harmonious combination of “sanctity” and “kingdom” in this idea was ensured by the fact that “Rome” was used not only as a language object, but also as a symbol that was immanent to the consciousness and denoted itself. In the culture of the 15th–16th centuries, the Third Rome was a linguistic structure directly referring to such a cultural universality as the Christian empire.¹⁹

Transformation of the idea “Moscow is the Third Rome” in the semiosphere of Russian culture of the 18th century resulted from the cultural dialogue with the West. The dialogue was initiated by the authority which carried out cultural reorientation in order to ontologically substantiate the construction of a new social formation, the Russian Empire. In 1721, Peter the Great assumed a number of new titles: “Emperor”, “Great”, and “Father of the Fatherland”. As B. Uspenskii points out, the title “Father of the Fatherland” had a dual meaning. In the Western tradition, the title Father of the Fatherland (*pater patriae*) was a honorary title of the Roman emperors. In the context of the pre-Petrine culture, the title “Father of the Fatherland” could only be

¹⁷ Yu.M. Lotman and B.A. Uspenskii, “Echoes of the “Moscow is the Third Rome” Concept in the Ideology of Peter the Great” [in Russian], in *Artistic Language of the Middle Ages*, ed. V.A. Karpushin (Moscow: Nauka, 1982), 238.

¹⁸ L.A. Klyukina, “Institutionalization of the Mythologeme of Empire in Russian Cultural Consciousness (15th–16th centuries)” [in Russian], *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniï kul'tury*, vol. 14, no. 1 (2014): 67.

¹⁹ Klyukina, “Institutionalization of the Mythologeme of Empire,” 68.

applied to the patriarch.²⁰ Due to the fact that after the adoption of this title the patriarchate was abolished and the monarch was declared the “Supreme Judge” of the Spiritual Collegium, the title mentioned earlier was perceived in the sense that “Peter headed the church and declared himself patriarch.”²¹ Having conducted semiotic analysis of the works of Theophan Prokopovich and the texts of Petersburg architecture and literature of the 18th and 19th centuries, Lotman and Uspenskii concluded that in those texts the image of the Apostle Peter is transferred to the image of Emperor Peter,²² and St. Petersburg is perceived as the “holy city of Peter” and its holiness lies in its statehood.²³ The transformation of “Moscow is the Third Rome” concept was expressed in the fact that the ideologists of the era of Peter the Great chose the paradigm of power as a guideline. In “The Truth of the Will of the Monarchs,” Theophan Prokopovich connected the theory of the divine origin of the supreme power with the theory of natural law and the theory of social contract. Theophan Prokopovich argued that the authority was given to the monarch by God and while managing the public good, the monarch is responsible only to God.²⁴ In order to justify the emperor’s autocracy, Peter the Great knowingly supported the situation of semiotic bilingualism in culture. The juxtaposition of the old and the new political and state symbols can be considered as modernization of the old binary structure of Russian culture.

Religious culture was understood as “wrong” and “nonexistent”. However, it was needed as an alternative because communication with the specified primary symbol, the Third Rome, was made through it and by means of it.²⁵

The idea of the special mission of “the one who reigns” was transformed into the idea of the enlightener emperor, and the process of enlightenment was interpreted as a God-pleasing work. The West was understood as a temporary and unworthy carrier of the Enlightenment values. The texts of the Western culture were transferred to Russian culture without reproducing the semiotic situation, i.e. the new sign system itself was used as a code, as a scheme to organize the message. In the situation of semiotic distinction between the cult and the culture, the idea of the empire was perceived by the society in an ambivalent way: either as a means of cultural self-identification, or as something “alien” with a negative meaning.

²⁰ B.A. Uspenskii, *Sketches of Russian History* [in Russian] (St Petersburg: Azbuka, 2002), 80.

²¹ Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 80.

²² Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 244.

²³ Uspenskii, *Sketches of Russian History*, 241.

²⁴ E.V. Anisimov, *The State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997), 273–75.

²⁵ L.A. Klyukina, “Idea of Empire as Way of formation Russian Cultural Identity” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* no. 7(136), vol. 2 (2013): 87.

The situation of the next cultural explosion is connected with the events of 1917, which led to the collapse of the Russian Empire and the emergence of a new state, the Soviet Union. The culture of the Russian Empire was replaced by Soviet culture. In Soviet culture, a new concept of power was being formed. The people were recognized as the creator of history and the subject of authority. However, in order to keep the gains of the socialist revolution under the conditions of war and economic and cultural backwardness of the country, the Bolsheviks established the dictatorship of the proletariat, which later transformed into the dictatorship of the CPSU.²⁶ The party ideologues argued that they were the only ones who knew how to implement the ideas of Marxism-Leninism in order to create “the new society of common destiny.” The creation of the new type of society presupposed a new moral and cultural ideal, that of a well-rounded and emancipated personality.²⁷ Based on the semiotic approach of Lotman and Uspenskii, L. Ionin characterizes Soviet culture as representative and mono-stylistic. Soviet culture is representative because it was a scheme for interpreting all the events and facts of human history and was at the same time a tool for legitimizing the existing social order.²⁸ This culture can be called mono-stylistic because all its elements have an internal coherence and are actively separated or passively accepted by all members of society.²⁹ The new understanding of power corresponded to a new version of the understanding of transcendence. The highest meaning was identified with eidetic space – the Idea as such. Russian philosopher N. Berdyaev³⁰ was the first to describe the Soviet state as typically ideocratic. The achievement of socialism was declared a matter of the future; therefore all the resources of society were aimed at implementing the idea of the Soviet state as a preparation for this achievement. According to Ionin, the idea of the Soviet state was based on the following principles: the principle of totality, the principle of hierarchy, the principle of teleology. According to the principle of totality, all events should be understood unequivocally, in ideological terms. The right to speak on behalf of the Truth, which belonged to the leader of the party, Stalin, was based on the principle of hierarchy. The principle of teleology focused on the achievement of the socialist ideal in the future.³¹ The imperial culture of Russia and the modern culture of bourgeois states were declared “wrong” because they justified societies of social injustice. The advantages of socialism, compared with other types of societies, were recognized as objective, based on the following beliefs. Under socialism, a harmonious combination of private and

²⁶ N. Vert, *History of the Soviet State. 1990– 1991* [in Russian] (Moscow: INFRA-M, Ves' Mir, 1998), 187.

²⁷ Vert, *History of the Soviet State*, 171.

²⁸ L.G. Ionin, *Sociology of Culture* [in Russian] (Moscow: Logos, 1998), 182.

²⁹ Ionin, *Sociology of Culture*, 181–82.

³⁰ N.A. Berdyaev, *The Origins and Meaning of Russian Communism* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1990).

³¹ Ionin, *Sociology of Culture*, 168–69.

common interests is achieved, and the living conditions of all members of society can be gradually improved. Party leaders are infallible, as they are guided by the correct ideology, and even if they make mistakes, the latter are an objective moment on the road to progress.³² Soviet culture gave rise to a kind of “metaphysics of authority,” which was based on the sacralization of the activities of high-ranking party officials and the party leader in the first place, which resulted in deification of Stalin’s personality.³³ Thus, the transformation of Marxist-Leninist ideology into cultural ideology led to the transformation of the CPSU at the end of its existence from a political institution into a cultural one.³⁴ The CPSU played the role of cultural dominant, around which the rest of the cultural ensemble was arranged. One can speak about the common genetic code of the Russian Empire’s culture and Soviet culture only relatively. The idea of the Russian Empire was ontologically justified because the enlightened state was understood to be the realization of the Kingdom of God on Earth. The idea of the Soviet state, declared as the paradigm of the people’s power, essentially expressed the sacralization of the power of the CPSU.

The new Russian culture began to take shape in 2000–2008, which was connected with the activities of the President of the Russian Federation V. Putin. Accordingly, a new concept of authority was being formed that can be seen in the Presidential Addresses to the Federal Assembly of those years, which were understood by the leadership of the country as a form of dialogue between the authority and the people. According to the 1993 Constitution, the essence of authority in Russia is democracy. According to Putin, “the source of Russia’s wellbeing and prosperity is the people of this country.”³⁵ Putin notes that the government and the people are united by a common intention – the desire for the new, for creativity. However, the people, in his opinion, while possessing potency, do not have the knowledge of how to realize their potential. Only the authority has the right to creativity and knowledge of the truth.

No matter what times we have lived through, be it revolutionary upheavals or the stagnation years, we have almost always yearned for change. True, each of us has our own idea of what kind of change we need, our own priorities, our own preferences and dislikes, and our own vision of the past, present and future. This is natural and understandable, for we are all different. But there is also something that unites us all without exception: we all want things to change for the better. But we do not all know how to achieve this. You and I, all of us present here at the Kremlin today, are not only duty-bound to know how to achieve this, but are duty-bound to do everything possible to come up with plans for practical, concrete action. We must do everything we can to convince the majority of our citi-

³² Ionin, *Sociology of Culture*, 186–90.

³³ D.A. Volkogonov, *Triumph and Tragedy. Political Portrait of I.V. Stalin*. In 2 Books, book 1, part 2 (Moscow: APN, 1989), 135–36.

³⁴ Ionin, *Sociology of Culture*, 211.

³⁵ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006, accessed August 30, 2018, http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_60109/.

zens that these plans are effective and to genuinely involve them in this constructive process.³⁶

Thus, the authority is recognized as a condition for the existence and understanding of social being. Putin sees Russia's place in the world among the leading world powers that decide the fate of the world:

Russia's military and foreign policy doctrines must also provide responses to the issues of today, namely, how to work together with our partners in current conditions, to fight effectively not just terrorism but also the proliferation of nuclear, chemical and bacteriological weapons, how to settle the local conflicts in the world today and how to overcome the other new challenges we face. Finally, we need to make very clear that the key responsibility for countering all of these threats and ensuring global security will lie with the world's leading powers, the countries that possess nuclear weapons and powerful levers of military and political influence. This is why the issue of modernizing Russia's Armed Forces is extremely important today and is of such concern to Russian society.³⁷

Recognizing Russia as a world power, Putin believes that there is no need for formulating the national idea of Russia. He compares this occupation with the search for the meaning of life, which is a never-ending pursuit, so one should not waste time on it.³⁸ The President justifies the unification of peoples within the framework of a great power with historical necessity:

Having a unique cultural and spiritual identity has never stopped anyone from building a country open to the world. Russia has made a tremendous contribution to the formation of European and world culture. Our country has historically developed as a union of many peoples and cultures and the idea of a common community, a community in which people of different nationalities and religions live together, has been at the foundation of the Russian people's spiritual outlook for many centuries now.³⁹

In his addresses, Putin formulated the solution of the following tasks: strengthening Russia's status as a great world power, building civil society and civil institutions, developing market economy, improving the material and social well-being of citizens, developing Russia as a unique civilization, and developing historical traditions without specifying which exactly. In 2001, in order to maintain the general political course of the President, the United Russia party was established. This party cannot be identified by the class-stratified characteristics, although the members of this party were wealthy people. All those people were united by an actual political idea, the so-

³⁶ The Annual Presidential Annual Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁷ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁸ The Annual Presidential Address to the Federal Assembly, May 10, 2006.

³⁹ The Annual Presidential Annual Address to the Federal Assembly, April 26, 2007, accessed August 30, 2018, http://www.consultant.ru>documents/cons_doc_LAW_67870/.

called Putin's Plan. Therefore, United Russia was named "the party of power." In 2007, Putin headed the list of party candidates during the election campaign to the 5th State Duma. Political analyst Sergei Markov described this situation as the process of institutionalizing the personality of the President of the Russian Federation:

Having decided to head the federal list of the United Russia party, Vladimir Putin remains the nation's moral political leader and his position is becoming more and more institutionalized; there is no doubt that it will be more stable, express and clear, because we have spoken a lot about moving from personality-based stability to institution-based stability.⁴⁰

Deputy Chief of the Russian Presidential Administration, Assistant to the President of the Russian Federation V. Surkov stated that the concept of Russian democracy cannot be understood without taking into account the typical features of Russian political culture and Russian national consciousness. In Russian cultural consciousness, "synthesis prevails over analysis, idealism over pragmatism, figurativeness over logic, intuition over reason, and the general over the particular."⁴¹ Surkov suggested using the idea of the integrity of Russian culture as an axiom to determine the parameters of real politics. Based on this cultural standpoint, he highlighted three features of Russian political practice.

First of all, this is striving for political integrity by means of centralizing the functions of the authority. Secondly, this is idealization of the goals of political struggle. Thirdly, this is personification of political institutions. And again, all these things exist in other political cultures, but in our culture they are somewhat above the average.⁴²

Centralization of the functions of the authority in the Russian Federation manifested itself in the fact that the majority of the members of the State Duma and of the Federation Council of Russian were members of the United Russia party; the same situation existed in the local authorities. According to Surkov, the image of Russia as a state was successfully expressed in the image of President Putin's charismatic personality, and the program of the United Russia party is perceived as the "Putin's Plan."⁴³ By idealizing the goals of the political struggle, Surkov meant the orientation towards utopia, which, from his point of view, creates an important stimulus for social development. Surkov rejected the Messianic concepts of the past: the Third Rome and the Third International. He proposed to replace the idea of messianism

⁴⁰ "Markov: After the Presidency, Putin Will Remain the Leader of the Nation" [in Russian], *Business newspaper "Vzglyad"*, accessed August 29, 2018, <https://vz.ru/news/2007/10/1/113798.html>

⁴¹ V. Surkov, *Russian Political Culture. A Glance from Utopia. Materials of the Discussion in "Nezavisimaya Gazeta"* [in Russian] (Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2007), 6.

⁴² Surkov, *Russian Political Culture*, 6.

⁴³ Surkov, *Russian Political Culture*, 7.

with the idea of the Russian national mission which needs clarification but is unconditionally connected with the establishment of Russia's role among other world powers.⁴⁴ He explained that he was talking about fulfilling the desires in the future and suggested looking at the problems of Russia "from the future."

As the denotation of the United Russia idea, the Russian Federation of the future was assumed to be a strong world power headed by a charismatic leader, where civil society and democratic institutions have been built under the conditions of market economy using high-tech and innovative technologies. The United Russia idea was ambivalent primarily in terms of culture. On the one hand, the authorities officially adhered to the course of democratic modernization of Russian society, which implied decentralization of power, cultural pluralism, and co-existence of various discursive practices. On the other hand, fearing social chaos inside the new society and the threat of terrorism and extremism from the outside, the authorities planned to preserve and secure Russia's status as a strong militarily world power. Therefore, the authorities officially announced the absence of the national idea and declared this task a matter of the future. Building an open democratic society and strengthening the status of a world power were considered by the authorities as equally probable options. In the Presidential Address, Russia was declared a unique original civilization, formed on the basis of Russian Orthodox culture and incorporating the best values of the world culture. In this connection, historical events that contribute to the unification of peoples into a single centralized state began to be given special importance in the media: Christianization of Russia by Prince Vladimir, the formation of the Moscow State, overcoming the Time of Troubles of the late 16th – early 17th centuries, the reforms of Peter the Great, and the victory of the USSR in the Great Patriotic War. In this context, the Russian Federation began to be thought of as the stage of progressive development of the Russian civilization, which is constantly striving to build an open society, but is forced to overcome the danger of the external threat to its peaceful existence. Since the declared ideal of Russia was supposed to be realized only in the future, the authorities turned to the sacralization of the discourse about United Russia. The perception of the abstract ideal became possible through the personification of the government institutions. The image of a strong charismatic president was projected by the ideologists of power onto the image of Russia as a strong world power and onto the image of the United Russia party as the party of power.

Conclusion

The idea of United Russia can be represented as a "product" of the evolution of imperial Russian consciousness. The contents of this idea incorporate the same characteristics as other imperial discourses of the Russian consciousness do: the orientation towards building a society of social justice with rich spiritual culture in the fu-

⁴⁴ Surkov, *Russian Political Culture*, 7.

ture; implementation of this project can be carried out under the leadership of the authority as only the authority has knowledge of how to modernize the reality; building a strong centralized state for protection against external threats; strengthening the belief in the abstract ideal by forming the image of a strong charismatic leader of the authority; simplification by interpreting the borrowed cultural ideas in native terms and reducing them to the already familiar cultural material. Thus, the discourse about United Russia can be considered as a variant of the new cultural identity of Russia, as it aims at modernizing the society and at the perception of the state authority as higher cultural value impersonated in government institutions.

Список литературы

- Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра I в первой четверти XVIII века. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
- Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990. – 224 с.
- Верт Н.* История Советского государства. 1990 – 1991. – Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 1998. – 544 с.
- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 2. – Москва: АПН, 1989. – 367 с.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. Т. 1. 469 с.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. – Москва: Логос, 1998. – 280 с.
- Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 544 с.
- Клюкина Л.А.* Идея империи как способ формирования культурной идентичности России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 2. – С. 85–89.
- Клюкина Л.А.* Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV — XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №1(14). – С. 62–69.
- Корневский А.* Кем и когда была «изобретена» теория «Москва — Третий Рим»? // Ab Imperio. – 2001. – № 1–2. – С. 87–124.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – Москва: Гнозис; Прогресс, 1992. – 272 с.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / Под редакцией В.А. Карпушина. – Москва: Наука, 1982. – С. 236–249.
- Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). – Москва: Индрик, 1998. – 416 с.
- Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – Москва: Независимая газета, 2007. – 96 с.
- Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – Санкт-Петербург: Азбука, 2002. – 480 с.
- Adelman J.* The Russian Revolution and Global Empires // Ab Imperio. – 2017. – № 2. – С. 45–52.

Hoffmann D.L. Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 273–278.

Pipes R. *Russia under the Old Regime*. – New York: Charles Scribner's Sons, 1974. – 361 p.

Smith J. The Soviet State and the Individual // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 279–284.

Suny R.G. *The revenge of the past: nationalism, revolution and the collapse of the Soviet Union*. – Stanford: Stanford university press, 1993. – 200 p.

References

Adelman, J. “The Russian Revolution and Global Empires.” *Ab Imperio*, no. 2 (2017): 45–52.

Akhiezer, A.S. “Rossiya kak bol'shoe obshchestvo” [Russia as a large society]. *Voprosy filosofii*, no. 1 (1993): 3–19. (In Russian)

Anisimov, E.V. *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra I v pervoi chetverti XVIII veka* [The state transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997. (In Russian)

Berdyayev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian)

Hoffmann, D.L. “Power, Discourse, and Subjectivity in Soviet History.” *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 273–78.

Ionin, L.G. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Moscow: Logos, 1998. (In Russian)

Kantor, V.K. *Sankt-Peterburg: Rossiiskaya imperiya protiv rossiiskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii* [St Petersburg: Russian Empire against Russian chaos. To the problem of imperial consciousness in Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russian)

Klyukina, L.A. “Idea of Empire as Way of formation Russian Cultural Identity” [The idea of empire as a way to form Russia's cultural identity]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 7(136), vol. 2 (2013): 85–89. (In Russian)

Klyukina, L.A. “Konstituirovaniye mifologemy imperii v russkom kul'turnom soznanii (XV–XVI vv.)” [Institutionalization of the Mythologeme of Empire in Russian Cultural Consciousness (15th–16th centuries)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, vol. 14, no. 1 (2014): 62–69. (In Russian)

Korenevskii, A. “Kem i kogda byla ‘izobretena’ teoriya ‘Moskva – Tretii Rim’?” [By whom and when was ‘Moscow is Third Rome’ theory invented?] *Ab Imperio*, no. 1–2 (2001): 87–124. (In Russian)

Lotman, Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis; Progress, 1992. (In Russian)

Lotman, Yu.M., and B.A. Uspenskii. “Otvzuki kontseptsii ‘Moskva – Tretii Rim’ v ideologii Petra Pervogo” [Echoes of the “Moscow is the Third Rome” concept in the ideology of Peter the Great]. In *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages], edited by V.A. Karpushin, 236–49. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)

Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. New York: Charles Scribner's Sons, 1974.

Sinitsyna, N.V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. (In Russian)

Smith, J. “The Soviet State and the Individual.” *Ab Imperio*, no. 3 (2002): 279–84.

Suny, R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993.

Surkov, V. *Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopii. Materialy obsuzhdeniya v "Nezavisimoi gazete"* [Russian political culture. A glance from utopia. Materials of the discussion in "Nezavisimaya gazeta"]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2007. (In Russian)

Uspenskii, B.A. *Etyudy o russkoi istorii* [Sketches of Russian history]. St Petersburg: Azbuka, 2002. (In Russian)

Vert, N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1990 – 1991* [History of the Soviet state. 1990–1991]. Moscow: INFRA-M, Ves' Mir, 1998. (In Russian)

Volkogonov, D.A. *Triumf i tragediya. Politicheskii portret I.V. Stalina. V 2-kh knigakh* [Triumph and tragedy / Political portrait of I.V. Stalin. In 2 books]. Book 1. Part 2. Moscow: APN, 1989. (In Russian)

Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Vol. 1. Paris: YMCA-PRESS, 1989. (In Russian)